

разбирает, где порок и где добродетель; нечего восторгаться великодушием мошенников и сочувствовать подлым движениям благородных душ. В то же время мы знаем, что нужно публике; поэтому мы избрали своими героями негодяев, а сюжет заимствовали из ньюгейтского календаря и надеемся разработать его в назидательном духе» [5, т. 1, с. 228–229].

Так Теккерей с предельной ясностью формулирует свои полемические цели и под избранным и строго определенным углом зрения повествует о печальной участи своей героини, дочери преступника, воспитанной в сиротском приюте, соблазненной негодяем, вступившей в законный брак со скаредным ростовщиком и убившей его с помощью любовника, который вернулся к ней после того, как унаследовал состояние своей богатой и старой жены.

Вопреки сформулированному замыслу Теккерей придал своей героине своеобразную человечность, проглядывающую сквозь аморализм и безответственность; он заявляет, что не согласен с сочинителями, которые вообще лишают своих мошенников каких бы то ни было привлекательных черт [5, т. 1, с. 272]. Эти черты, однако, отступают перед порочностью героини, определившей ее преступление – и наказание. Так, несмотря на отклонение, осуществляется главная поставленная Теккереем задача: «Откровенные мерзавцы не должны выступать в роли романтических, изящных велеречивых хищников; пусть они пьянствуют, распутничают, воруют, лгут, словом, живут жизнью настоящих мерзавцев, которые не цитируют Платона, как Юджин Арам ... не разглагольствуют с утра до ночи о прекрасном, как лицемер и ханжа Мальтраверс ... не умирают в ореоле невообразимой святости, как бедняжка мисс Нэнси в “Оливере Твисте”» [5, т. 1, с. 242–243]. Отвергает Теккерей и возможность изобразить своих героев в тесном общении с великими умами прошлого века, “как непременно поступил бы в подобном случае самый плохонький романист” [5, т. 1, с. 272–273].

В “Кэтрин” Теккерей-художник только еще начинает свое существование, едва выходя за рамки литературной полемики и откровенной пародии. Его героиня – преступница, автором, вопреки моде не приукрашенная, но тщательно мотивированная обстоятельствами рождения, воспитания и жестокостью своего окружения. Даже позволяя ей проявить способность к искреннему чувству, Теккерей подчиняет ее поведение неумолимой логике, определяющей развитие жительницы трущоб и притонов.

Более убедительно проблему характера и становления личности Теккерей решает в “Записках Барри Линдона” (1843–1844), – по мнению критиков, первого своего настоящего романа. Если “Кэтрин” пародировала ньюгейтский роман (в

частности, “Джека Шепарда” Гаррисона Эйнсворта [7, с. 41]) и произведения Бульвера Литтона о талантливых преступниках, то “Барри Линдон” направлен против его эффектно мелодраматических исторических романов, подражающих Вальтеру Скотту.

Безвестная борьба героя за преуспевание и возвышение воссозданы в виде контраста между высотой рангов, положений, титулов, вплоть до королевских, на уровне которых описана карьера героя, – и душевной низости, подлости, жестокости, проявляющихся на всех стадиях его истории. Чем выше социальный взлет Барри Линдона, тем страшнее его падение.

Как и в “Кэтрин”, Теккерей допускает некоторое сочувствие своему герою – в нем была известная способность к добрым чувствам, но они были раздавлены уродливой борьбой, понадобившейся ему, чтобы выйти из ничтожества, на которое обрекала его бедность.

Сквозь неудержимое бахвальство прорывается и саморазоблачение и мрачная характеристика описываемого им времени, времени всеобщего цинизма и растряпанности. “Барри Линдон” – произведение “историческое по содержанию, мемуарное по форме, авантюрно-шутовское по сюжету, пародийное по отношению к шаблонам позднеромантической литературы” [9, с. 50]. Герой трактован и как продукт эпохи, и ее выражение, и ее жертва, и ее бесчеловечно жестокий деятель [8, с. 50]. Впервые здесь предпринята Теккереем попытка раскрыть личность в соотношении с ее общественным окружением, соотношении гораздо более сложным, чем представлялось популярным авторам исторических романов.

Литературный подтекст ощущается даже в возникнутой публицистическим пафосом “Книге снобов” (1846–1847), ставшей сенсацией года и открывшей читателям непривычный взгляд на привычные явления; она доказала, что ни отдельные личности, ни их взаимоотношения, ни общество в целом, ни его структура, ни степень его ответственности интересам индивида никогда не рассматриваются по существу, а только с точки зрения воплощенных в них материальных ценностей, власти, социального статуса. Все нижестоящие расплываются перед вышестоящими независимо от их заслуг – и попираемы ими независимо от своих заслуг. Как объяснял еще раньше знаток снобизма Желтоплюш, любая мамаша выдаст дочку за сатану, если только он лорд [1, с. 215].

Рассматривая снобизм во всех его проявлениях – в политике, науке, искусстве, литературе и во всех слоях общества – среди аристократии, среди деятелей церкви, коммерции, военных и даже среди царственных особ, – решая таким образом немаловажную, по убеждению Теккереев, общественную и нравственную задачу, он, однако, не забывает и о войне чисто литературной, об осмея-